

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ПУТИ РАЗВИТИЯ

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В
РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

А.Г. Здравомыслов

Статья подготовлена на основе доклада, представленного на конференции «Эмпиризм и теоретизирование в российской социологии», проведенной Профессиональной социологической ассоциацией и Российским независимым институтом социальных и национальных проблем 18 мая 1998 г. и посвященной 70-летию докладчика — Президента ПСА и директора Центра социологического анализа межнациональных конфликтов.

В обсуждении доклада приняли участие: декан факультета социологии МВШСиЭН, д.филол.н. А.Ф. Филиппов; проф. Мичиганского Университета США В.Э. Шляпентох; проф. РГГУ, д.филол.н. Н.Н. Козлова; зав. кафедрой «Экономическая социология» ГУ-ВШЭ, д.и.н. ОМ. Шкартан; академик Т.Н. Заславская; зав. кафедрой философии МГИМО-Университета МИД РФ, д.филол.н. А.В. Шестопал; зам. директора РНИСиНП к.филол.н. Н.Е. Тихонова; ведущий научный сотрудник ИС РАН, д.э.н. В.Н. Шубкин; проф. МГУ, д.филол.н. Н.Е. Покровский; директор Калужского института социологии, д.с.н. А.К. Зайцев; экс-президент МСА, почетный проф. Уппсальского университета (Швеция) У. Химмельстранд; директор Института социологии РАН, д.филол.н. В.А. Ядов; член-корреспондент РАН, д.филол.н. Н.И. Лапин.

В любой науке ключевым методологическим вопросом остается вопрос о соотношении фактов и теории. При этом «факты» рассматриваются в качестве реальности, а «теории» — как способы интерпретации реальности, раскрывающие устойчивые соотношения «фактов». Социология не представляет собою исключения. Однако для российской социологии весьма характерен ряд новых обстоятельств, которые заслуживают самостоятельного рассмотрения. Прежде всего, это огромное расширение эмпирического поля. Наряду с организацией системы мониторингов общероссийского и регионального характера рядом независимых друг от друга учреждений*, каждая исследовательская группа организует сбор данных в соответствии с задачами собственных проектов. Благодаря поистине титаничес-

* В их числе: ВЦИОМ, РНИСиНП, фонд «Общественное мнение», институты и центры РАН, региональные социологические центры (Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Северная Осетия, Республика Татарстан).

кой работе интервьюеров и анкетеров нынешняя российская социология тонет в море фактов, фиксирующих все сколько-нибудь значимое по мнению организаторов эмпирических и теоретических исследований — от динамики оценок социального самочувствия до частоты сексуальных контактов (1, 2). Значительная часть социологических публикаций представляет собою описание собранных фактов, полученных с помощью либо количественных, либо качественных методов. Факты нуждаются в объяснении, варианты которого просматриваются даже при описании. Но общей теоретической парадигмы, в рамках которой собранные факты получали бы интерпретацию, не существует. И остается не вполне ясным: а) нужна ли общая парадигмальная установка; б) если таковая нужна, то может ли она быть создана или сконструирована?

Вместе с тем, наряду со сбором и объяснениями фактов, создаваемых в ходе исследований, перед социологией — особенно если ее понимать как коммуникацию в обществе и об обществе (3) — сохраняется задача не менее важная: объяснять события быстротекущей жизни, как например, апрельский правительственный кризис 1998 г., августовский того же года финансовый кризис и иные «факты-события», поскольку они оказывают огромное влияние на все то, что формирует социальные отношения (4). Третий специфический ряд фактов, которые анализируют иные отрасли социального знания, как то: экономика, демография (5), этнология (6), социальная психология и др., но которые вместе с тем представляют особый интерес для социологии.

Наконец, теперь можно говорить и еще об одном направлении накопления фактического материала, связанного с развитием качественных методов. Речь идет прежде всего о массивах биографий, личных документов, семейной переписки, писем в средства массовой информации, создание которых открыло по сути дело новое поле социологической деятельности. Это направление накопления фактического материала связано с более широкими возможностями смысловых интерпретаций, поскольку в самих документах такого рода присутствуют оценочные суждения, обоснования мотивации поступков и иные способы вербализации именно смысловых аспектов социальной реальности.

Расширяющееся эмпирическое поле социологии — это *социальная реальность* в том смысле слова, который проистекает из противопоставления фактов и теории. Факты рассматриваются в этом контексте как нечто твердое и основательное, теоретические конструкции, даже опирающиеся «на всю совокупность фактов», рассматриваются в качестве допускающих некоторый произвол: «факты» — это фундамент социального знания, теории же скорее ассоциируются с многообразием надстраивающихся конструкций. Они могут быть истинными и ложными, основанными на фантазии и воображении и на скрупулезном анализе фактического материала.

Имея в виду сказанное выше, можно заключить, что российская социология не испытывает в настоящее время, как это было два десятилетия назад, недостатка в «фактическом материале».

Ныне проблемы ее внутреннего развития как самостоятельной дисциплины и области исследований связаны, на наш взгляд, с состоянием теоретического мышления. Переход на плюралистические позиции позволил расширить общий кругозор российской социологии. Благодаря введению преподавания социологии на современном уровне и усилиям переводчиков сейчас почти не осталось значительных социологических работ зарубежных авторов, которые были бы недоступны русскоязычному читателю. Дело однако в том, что эти умные книги (за некоторым исклю-

чением (7)) были написаны в те времена, когда нынешняя ситуация в России еще не просматривалась. Изучение и освоение этих работ помогает освоить социологическую проблематику и аппарат этой области знания, понять те дискуссии, которые ныне определяют ее содержание на мировом уровне. Но это не заменяет необходимости решения задачи, которая стоит перед российскими социологами — *понять те процессы, которые происходят именно в этой стране.*

Стоит заметить, что и мировая социология развивалась не в безвоздушном национальном пространстве и даже не в связи с развитием проблематики глобального характера. Европейская социология в ее национальных вариантах была связана с изучением экономических и политических конфликтов, потрясавших Европу XIX века. Вряд ли можно оспаривать тот факт, что М. Вебер уделял особое внимание проблемам Германии (влияние протестантизма на «дух капитализма» — прежде всего немецкая проблема, связанная определенным образом с задачей обоснования единого германского государства). Политическая и экономическая история Франции в том же столетии стала для Э. Дюркгейма важным стимулом выдвижения идеи органической солидарности. Возникновение проблемы «Европа и остальной мир» привело к разработке теории рациональности. Расцвет американской социологии был связан с тем, что она была практически ориентирована на решение проблем именно американского общества. Можно сказать, что и российская социология становится таковой по мере того, как она включается в теоретическое осмысление тех задач, которые выдвинуты на первый план развитием (или деградацией) России.

Вместе с тем не следует забывать о том, что каждая из национальных школ социологии сумела перешагнуть границы собственной страны и предложить социологии в целом — как области всеобщего знания — определенные элементы универсалистского понимания социальной реальности, весьма существенные для анализа конкретной ситуации в той или иной стране. Тезис о том, что это универсальное знание «не подходит для России» в силу ее уникальности ведет к сосредоточению на локальных особенностях этой страны, отказу от самой постановки вопроса о месте России в современном мире на основании универсалистского подхода, опирающегося на достижения всей современной науки и цивилизации. По сути дела этот тезис ведет к оправданию «доморощенной социологии».

С точки зрения соотношения эмпирии и теории это тем более важно, что именно теоретическое знание задает способы аккумуляции фактов и характер их интерпретации. Факты сейчас никто не рассматривает как беспредпосылочные фрагменты реальности. Даже статистические распределения — результат теоретических конструкций, основанных на определенной оценке общества как целого: демографическая статистика, моральная статистика (преступность, алкоголизм, наркомания, аборт, разводы и т.д.) исходят из определенных классификаций, основанных на представлениях о «нормальном» обществе или о нормально функционирующих социальных институтах, которые характеризуют более или менее устойчивые условия *общественного воспроизводства*. А это означает, что в иных, кризисных условиях, т.е. когда нарушены стабильные условия воспроизводства социального целого, принятые ранее классификации и соответствующие факты — в том числе и статистические распределения — теряют свой смысл. Точнее: они могут интерпретироваться, как это и делается в катастрофических теориях, в качестве показателей отклонения от общества, ранее считавшегося нормальным (8). Но они не говорят ничего (или почти ничего) о перспективе, о степени

приближения к новому общественному состоянию.

Для того, чтобы работала новая система показателей, необходимы новые теоретические конструкции, в рамках которых содержались бы новые ответы на вопрос о норме, отклонении, о кризисе и стабильности, о перспективах динамики «кризисного социума». Имеющиеся в нашем профессиональном сообществе пессимистические или оптимистические оценки ситуации чаще всего теоретически очень слабо обоснованы. Скорее, они складываются под влиянием политических симпатий и антипатий и весьма редко включают в свой багаж теоретические конструкции, разработанные в социологии как направления современного гуманитарного знания.

В свете сказанного трудно не согласиться с достаточно жесткой оценкой состояния теоретической социологической мысли в современной России, которую дает в своей известной статье А.Ф. Филиппов (3). Он утверждает, что в сегодняшней России есть некоторая теоретическая деятельность, но теоретической социологии как признанной системы объяснения фактов не существует (3, с.5). А поскольку социология выступает в качестве коммуникации в обществе и об обществе, постольку это означает, что само общество не осмысливает себя теоретически. «Наше общество, — считает этот автор, — отличается отсутствием «критической рефлексии»... Как бы ни оценивать вклад каждого ученого в отдельности, в основном отечественная социология пережила бесславное десятилетие» (3, с. 13). Представитель второго поколения социологов по профессии весьма резко отзывается о своих предшественниках, заявляя о «коллективной деградации интеллектуалов в ходе так называемых реформ». Значительная часть этих интеллектуалов достаточно оперативно меняли свои политические пристрастия. Но, по мнению А.Ф. Филиппова, «и бесстыдная хвала, и безоглядная хула существующего одинаково заставляют усомниться в научной состоятельности» (3, с.13).

Теоретическая социология в России, утверждает автор, возможна лишь при трех условиях: 1) если будут предприниматься попытки сформировать собственную фундаментальную теорию с учетом уникального социального опыта этой страны; 2) если эти попытки будут соответствовать стандартам, разработанным на мировом уровне теоретического мышления (3, с. 11); 3) если будет развиваться социологическая коммуникация по теоретическим проблемам.

Центральная проблема, формулируемая автором, выглядит так: *«Каким образом можно пользоваться теоретическим инструментарием, не перенимая в свои построения чуждые образы социальности. Решением оке может быть только создание собственной теоретической социологии, в том числе и как комплекса амбициозных концепций»* (3, с.24). В самой формулировке проблемы заключается вопрос: какие «образы социальности» должны рассматриваться как «чуждые» и как «нечуждые (свои)»? Возможно, что за этим скрыта проблема определения понятия «общество» и конкретных «национальных» или «государственных» обществ, которые в обыденном словоупотреблении подчас оказываются неразличимыми. Более того, важно было бы прояснить, что автор имеет в виду под «социальностью», примыкает ли он к какой-либо традиции в толковании этого понятия или придает ему свой собственный смысл? Имеет ли это отношение к дискуссии о формационном и цивилизационном подходе, к вопросам интерпретации места России в глобальном пространстве, к оценке ее «имперскости» или «цивилизаторской миссии»? А что представляет собою «теоретический (отнюдь не методический) инструментарий»? Весь понятийный аппарат современной социологии или его критически осмысленную (каждым теоретиком по-своему) определенную часть?

А.Ф. Филиппов полагает вместе с тем, что ситуация с теоретической социологией не так плоха — нам только не хватает какого-то решающего сдвига, чтобы теоретическая деятельность кристаллизовалась, чтобы появилась собственно теория. Первый шаг в этом направлении должен состоять в осмыслении четырех альтернатив, возникших перед социологом-теоретиком. Наличие этих альтернатив, по мнению автора, «блокирует социологическую коммуникацию и не позволяет осуществить решающий шаг в теоретическом мышлении. При этом он полагает, что дело не только «в наличии нескольких заблуждений, блокирующих и познание, и коммуникацию... Ложны не только те или иные положения как таковые, но и те альтернативы, в рамках которых они возникают» (3, с.20). Большая часть этих альтернатив уже сформулирована в социологическом дискурсе как обозначившиеся направления теории, имеющие собственные методологические основания философско-умозрительного характера (9). Однако проследим, как они интерпретируются А.Ф. Филипповым.

Первая из таких альтернатив — противоположность объективизма и конструктивизма. Это своего рода две исходные методологические установки рассмотрения любой социальной ситуации: объективизм настаивает на выяснении общих закономерностей (вписать российскую ситуацию в закономерности мировой истории); конструктивизм предлагает проанализировать способ возникновения этой ситуации через последовательность конкретных событий, создающих новую ткань социальных отношений. Обе методологические установки, считает автор, у нас «совершенно не отрефлектированы. Обе ориентации препятствуют теоретическому исследованию, так как в одном случае достаточно указать на фундаментальные закономерности или структуры, а в другом — на реальный или предполагаемый эффект преобразующей деятельности. В обоих случаях нет нужды изучать действительно сложные взаимосвязи, пеструю, переливчатую *социальность, полную случайностей, загадочных символов, возможностей неоднозначного решения проблем*» [курсив наш — А.З.] (3, с.23). Более того, в рамках этой альтернативы формируется рассмотрение социальности либо как неполитического, либо как политического явления. Эта альтернатива не потому блокирует коммуникацию, что она ложна, напротив, она ложна потому, что блокирует коммуникацию.

Вторая альтернатива состоит в ориентации либо на западную социологию, либо на русскую традицию в социологии. Эта альтернатива ложна хотя бы потому, что «никакой ориентации на русскую социологию в качестве теоретически состоятельной позиции сейчас не может быть... В русской социологии не появилось классика в том смысле, в котором мы называем классиками М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, Т. Парсонса. А значит был упущен единственный на то время шанс избежать рокового для всей научной продукции приговора: *устарело!*» (3, с.24). В то же время парадокс, отмеченный А.Ф. Филипповым, состоит в том, что теоретические коммуникации по поводу России оказываются социологическими, только если они подключаются к «западным» теориям (3, с.14).

В этой связи стоит высказать соображение по поводу перечня классиков. Расширение поля социологии позволяет каждому социологу увеличивать и уменьшать список авторитетов. В западных университетских курсах социологии достойное место занимает К. Маркс (1818-1883 гг.), без внутренней полемики с которым М. Вебер (1864-1820 гг.) не смог бы сформироваться как социальный мыслитель. Социальными мыслителями Россия далеко не бедна, но с социологами ей повезло меньше, поскольку российская система образования долгое время не

включала в свой корпус кафедр социологии. Классики же, названные А.Ф. Филипповым, все как один носили профессорские мантии!

Кроме того, А.Ф. Филиппов отмечает, что с западническими теоретическими ориентациями в социологии не все оказывается так просто прежде всего благодаря тому, что западная социология не едина. А это значит, что необходимо иметь в виду не отдельное направление социологии, а западную «теоретико-социологическую коммуникацию» в ее целостности и противоречивости. В какой-то мерс это верно. Но не следует ли принять во внимание и тот факт, что многие теоретические конструкции, оказавшие огромное воздействие на судьбы России, имели «западное происхождение»? А как быть с оценкой социологической коммуникации, имевшей место на конгрессах МСА и в реализации определенных проектов советского периода (10)? «Шанс» общества, о котором пишет А.Ф. Филиппов, состоит прежде всего в адекватной оценке если не предков, то непосредственных предшественников.

Третья альтернатива — ориентация на социологию или культурологию. Эту

альтернативу можно было бы и не выделять в качестве самостоятельной, но дело в том, что «приверженцы социологии удручающе некультурны... в том смысле, что смысловая составляющая социальной жизни в ее связности, развитии и новейших проявлениях чужда их теоретической установке. А культурологи не проявляют интереса к социальной структуре, классам, неравенствам, миграциям, конфликтам, социальным системам и т.п.» (3, с.24-25). Поэтому преодоление противоположности социологии и культурологии требует огромных усилий.

Четвертая и последняя альтернатива. системосозидание-бытописание. Решительно

отвергая обе стороны этой альтернативы, А.Ф. Филиппов высказывает ряд важных суждений. Если попытки построения всеобъясняющих систем носят мертворожденный характер, то это не означает отрицания возможностей построения «обширной концепции» [выделено нами — АЗ. в качестве термина, вводимого автором], в рамках которой идет речь об освоении все новых и новых областей опыта» (3, с.34). Что касается бытописательства, то оно приобретает смысл лишь в том случае, если по ходу его представления выявляется некоторое значимое теоретическое обобщение. В качестве примера автор обращается к трудам Н. Элиаса, который не обходится без общей теории цивилизационного процесса и который предлагает понятие *фигурации* в качестве определенного противовеса понятию социальной системы.

Сама постановка вопроса о значении каждой из выделенных альтернатив представляется исключительно важной для дальнейшего развития теоретической социологии в России. Но в каком смысле эти альтернативы «блокируют» положение дел в этой области? Может быть, прояснение их содействует решению этой задачи? Во всяком случае, следует поддержать вывод, предложенный автором статьи: «Мы делаем выбор в пользу плотного описания уникальной социальной реальности (в том смысле, как это сформулировал Гирц (11)), нагруженного теорией, специально разрабатываемой для потребностей научного объяснения» (3, с.36). Это своего рода программный и многообещающий тезис, центральным понятием которого остается «уникальная социальная реальность».

Поскольку в работах некоторых других российских авторов подчеркивается значение иных авторитетов (12), то было бы полезно разобраться в соотношении разных *теоретических конструкций*. Немалые возможности для анализа российской «уникальной социальной реальности» предоставляет и такое направление, как социология конфликта, а также работы российских социологов, анализирующих российский кризис в его различных фазах и проявлениях. Возможно, что

именно здесь заключаются возможности преодоления «блокирующих альтернатив», охарактеризованных А.Ф. Филипповым.

Рассмотрим теперь еще один метасюжет теоретической социологии. Речь идет о *теоретическом плюрализме*, который опровергается, например, М.Н. Руткевичем в полемике с В.А. Ядовым самым воинствующим образом. Конечно же, плюрализму противопоставляется *Монизм* как некий священный принцип. Очень часто констатация теоретического плюрализма даже в рамках социологии интерпретируется в духе «anything goes» (13). Между тем, на мой взгляд, признание теоретического плюрализма в социологической теории есть прежде всего результат признания «многослойности» социальной реальности. Каждая из классических социологических макротеорий рассматривает свой срез действительности. Для XIX века характерен взгляд на классовую борьбу как движущую силу исторических изменений и преобразований, для XX века наиболее существенной представляется идея многополюсного конфликта и практики регулирования конфликтов с помощью демократических институтов (14). В этой связи есть смысл обозначить основные источники плюрализма в социологической теории.

Во-первых, как это сказано выше, это многослойность, точнее, мозаичность социальной реальности, связанная в том числе и с тем, что каждое новое состояние общества сохраняет в себе так или иначе прежние свои состояния с их интересами (15), ценностными установками, символическими рядами (но не мотивацией). Практически ежедневно приходится сталкиваться с многослойностью основного предмета социологических дискуссий — России в ее многообразных ипостасях. Важным следствием объективной многослойности выступает и *многозначность* социальной реальности — вычленение в ее составе и конструкции собственного смысла каждым действующим субъектом. Кстати, со времен М. Вебера социальность и социальное действие определяются именно через приписываемые смыслы и значения. Социальность нагружена смыслами, которые субъект воспринимает в качестве оснований действия. Изменение социальной реальности, с этой точки зрения, есть изменение содержания смыслообразующих понятий.

Во-вторых, это наличие социологических традиций в самом теоретическом мышлении, которые могли быть на определенных этапах взаимоисключающими, а стали взаимодополняющими. Так, две классические социологические формулы «*общественное бытие определяет общественное сознание*» (К. Маркс) и «*если люди*

воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной

и по своим последствиям» (В. Томас) представляются, на первый взгляд, взаимоисключающими. Однако попытаемся проанализировать их смысл более детально. Первая формула имеет в виду исторический взгляд на жизнь общества как *некую целостность*. Здесь вычленяется именно общественное (надиндивидуальное) бытие, не сводящееся к простой сумме индивидуальных историй и существований. Здесь выражен системный взгляд на социальность. Вторая формула имеет в виду конкретных индивидов, действия которых оказываются производными от оценки их собственной ситуации, от ее восприятия. Здесь сознание (оценка ситуации) порождает действие, вплетающееся в «бытие». Действование этих индивидов само представляет собою социальную реальность, но кроме того оно должно рассматриваться и как средство изменения ситуации и ее конструирования. В достаточно точной интерпретации этих формул заложена возможность доказательства ложности объективистской и конструктивистской альтернатив, обозначенных А.Ф. Филипповым. Так, финансовый кризис 1998 г. (пример подсказан А. Цуциевым) —

результат объективного развертывания противоречий экономической системы или следствие действий, предпринятых правительственными кругами? По-видимому, рассуждения и в том, и в другом направлении не дадут адекватного понимания сложившейся ситуации, так как в ней переплетены весьма сложным образом и социальные интересы, и намерения отдельных лиц, незаметное накопление ошибок правительства В. Черномырдина и переход заданных границ финансового равновесия правительством В. Кириенко.

В-третьих, значение теоретического плюрализма проистекает из своеобразия связей тех или иных социологических теорий и направлений с комплексами гуманитарного мышления и из своеобразия вхождения социологии в сложившееся разделение труда в современном обществознании — ее отношения к экономической науке, демографии и статистике, к исторической науке с ее разнообразными мировоззренческими и политическими установками, ее связи с антропологией, культурологией, психологией в многообразии их собственных школ и направлений и т.д.

В-четвертых, этот теоретический плюрализм проистекает из многообразия

интересов, стимулирующих социологический поиск, в том числе и из многообразия «партийных» точек зрения. Во всяком случае российскому социологу придется учитывать наличие противоположных политических ориентаций, сложившихся в обществе, и преодолевать их в своей исследовательской практике, или, по меньшей мере, демонстрировать стремление к преодолению узкопартийных взглядов, в сколь бы прогрессистскую и принципиальную идеологию они не облекались. В настоящее время это представляется условием самосохранения социологии как области научного знания, исследований, преподавания.

Дальнейшее обсуждение проблематики соотношения теории и эмпирии предполагает выделение определенного круга проблем, имеющих первостепенное теоретическое значение. Разумеется, тематизация и формулировка этих проблем — всегда вопрос дискуссии. Но если дискуссии нет (или же она носит латентный характер), то не остается ничего лучшего как апеллировать к амбициозности.

В коммуникации об обществе вырабатывается несколько подходов к тому, что есть социальность, общество и социальная реальность. Это достаточно близкие термины, с помощью которых обозначается предмет социологии. Но в рамках сложившихся школ эти понятия трактуются далеко не одинаково. Более того, исходные понятия социологического дискурса оказываются нагруженными различными, а то и противоположными смыслами.

Начнем, например, с понятия «общество». Что есть общество? Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно понять в каком контексте он ставится: в отношении к космосу, к личности, к социальным институтам, к населению страны, к человечеству в целом или в контексте формулы «общество и власть»? Но и независимо от смыслового контекста важны исходные различия в определении, связанные с традиционными направлениями социологической мысли (16).

Прежде всего, сохраняют свое значение ряд организмических теорий общества. Согласно этим теориям, общество есть *социальный организм*, развивающийся по специфическим законам. Эти *законы*, в том числе и законы функциональной взаимосвязи между частями социального целого, равно как и закономерности перехода от одного состояния организма или системы к другому — и есть *социальная реальность*, которая должна учитываться в реальной политике и в поведении индивидов, направленных на *адаптацию* человека к объективным социальным изменениям. Такова исходная предпосылка структурно-функциональной

теории общества. Индивид в рамках этой концепции рассматривается сквозь призму процессов социализации, девиантного поведения и социального контроля. Власть же рассматривается не только как средство социального контроля, но и как важнейший ресурс общества, используемый — функционально или дисфункционально — в целях адаптации частей к закономерно изменяющемуся целому. Само кризисное состояние общества объясняется тем, что «власть не опирается на науку», что она, следовательно, недостаточно осведомлена об объективных законах действительности и не умеет с ними считаться (8).

Более детальная проработка этой социологической традиции связана с описанием общества через структурные категории различного типа — классы, слои, страты. Наличие этих дифференцирующих категорий в обществе есть также *социальная реальность* (а не плод воображения), и эта реальность каждому индивиду оборачивается совокупностью «ниш» или предуготованных социальных ролей, в рамках которых с известной долей вероятности и пройдет его жизнь или будет реализована его биография.

В другом варианте социологической традиции *социальная реальность* будет в большей мере связана с нормативно-ценностными структурами, и, следовательно, в контексте отношений «общество-индивид» будет подчеркнута не идея предоставляемых ниш, а идея смыслов-значений, которые станут составляющими конструирования и интерпретации собственного жизненного положения и личной биографии. В этом случае социолог интерпретирует социальную реальность в традициях символического интеракционизма. Эта теоретическая конструкция представляет собою принципиальную оппозицию любым вариантам органицизма. Главный момент социальной реальности — *взаимодействие индивидов*. Причем сами индивиды рассматриваются в качестве социальных существ, обладающих способностью к производству символов. Любая *социальная реальность представляет собою символическое пространство*, где главным для субъекта оказывается то значение, которое *придается* соответствующим предметам, действиям, отношениям. Общество с этой точки зрения не есть ни географическая, ни демографическая, ни экономическая реальность, оно есть *социальное пространство, в котором члены общества взаимодействуют на основе создаваемых и воспринимаемых ими символических значений*. Сами эти символы — составляющие сложной картины мира, в них выражена общественная сущность человека, его способность руководствоваться в своем поведении социально-значимыми ценностями, интересами, потребностями.

Радикальное движение мысли в этом направлении приводит к обоснованию вывода об уникальном характере *социальной реальности* для каждого отдельного человека. В этом случае социальная реальность — *жизненный мир самой личности, способ ее восприятия собственного жизненного опыта*. Задача социолога состоит в том, чтобы интерпретировать этот жизненный мир, понять, почему человек строит свое поведение именно таким, а не иным образом.*

С позиций символического интеракционизма не только общество, но и власть понимается иначе. Она предстает как способ организации совместных, а следовательно, символических действий (в том смысле, что они мотивируются социальной символикой — например, идеями свободы и равенства, господства, богатства, престижа, достоинства, долга и чести, национального интереса, целостнос-

* В российской социологии такое понимание социальной реальности высказано В.М. Воронковым.

ти государства и иными символами, выработанными культурой). Во властных структурах *концентрируется* коммуникация между членами общества и сама власть политическими средствами воспроизводит определенный тип коммуникации в обществе, включающий в себя те или иные варианты господства, доминирования, подчинения и согласия.

Гораздо более усложненное видение социальной реальности представляет собой теоретическая конструкция, предлагаемая П. Бурдьё и его российскими последователями. Исходный момент этой теоретической конструкции составляет понятие социального пространства как совокупности реальных различий и различий (последние закрепляют соответствующие различия — дистинкции — в общественном сознании). Именно через такого рода признаваемые и одновременно *de facto* существующие различия и складываются социальные отношения как определяющий момент социальной реальности. Вместе с тем социальные различия не просто существуют — они производятся и воспроизводятся в социальном пространстве благодаря воспроизводству социальных позиций. Сам же процесс воспроизводства социальных позиций (существование социальных групп) возможен лишь в результате того, что в действие включаются определенные практики — капиталы, подразделяющиеся на три разновидности: политический, экономический и культурный капитал.

В работе «Практический разум. К теории действия», написанный в 1994 г., П. Бурдьё предпринимает попытку объяснить трансформационные процессы в России, опираясь на зафиксированные выше теоретические предпосылки. «Все заставляет предположить, что в действительности в основе изменений, произошедших недавно в России и других социалистических странах, лежит противостояние между держателями политического капитала в первом, а особенно во втором поколении, и держателями образовательного капитала, технократами и, главным образом, научными работниками или интеллектуалами, которые отчасти сами вышли из семей политической номенклатуры» (17, с.94).

Однако и «держатели капитала» не составляют еще социальные группы в полном смысле слова. Социальное бытие группы подвижно и преходяще. Оно проявляется в действиях по отношению к другим группам. В рамках этих групп постоянно действуют две противоположные тенденции — к распаду и объединению. Это означает, что всякая группа внутренне дифференцирована. В ее составе или корпусе выделяется активная часть, которая говорит и действует от имени всей группы. Поэтому особую роль в анализе социальной реальности играет уяснение роли таких институтов (точнее, субститутов, заменителей), с помощью которых осуществляется делегирование полномочий и осуществление представительства. Наиболее существенной характеристикой поля политики как определенной части социального пространства является то, что делегирование полномочий осуществляется вовсе не для того, чтобы обеспечить представительство интересов группы. Просто без процедуры делегирования и представительства современная политика не существует, ибо «весь народ» не может сразу осуществлять управленческие функции. Он «доверяет» эти функции своим представителям, а как воспользуются «представители» этим доверием, это вопрос другой. Отношение между социальной группой и ее представительским корпусом далеко неоднозначно. Более того, оно многовариантно и поэтому действия на поле политики имеют смысл социальной игры. Авторы рассматриваемой статьи показывают, что в советском обществе сложился институт двойного делегирования полномочий — на-

род делегировал эти полномочия выборным представителям, а избранный корпус представителей народа делегировал исполнение своих полномочий аппарату, чиновничеству, причем особую роль в этом явлении двойного делегирования играла проблема культурного капитала: «чем меньшим объемом капитала обладают доверители, тем более самостоятельными являются доверенные люди» (17, с.100).

Основное же различие социальных процессов, имеющих место после 1917 г., от того, что происходило в 90-х годах, состоит в том, что в 20 — 40-е годы «произошла полная смена старых элит, благодаря чему их место заняли новые «контрэлиты», обладавшие изначально очень низким культурным капиталом, имевшие «трудовое» происхождение, но обладавшие практическим чувством («классовым чутьем»)». Реформы 90-х годов не имели в виду радикальное обновление элит. «Реформирование экономических и социальных отношений, начатое сверху, с реформы и раскола в партии и ЦК, не ставило перед собой задачи передачи власти другому слою или смену парадигмы социальной мобильности» (17, с.36).

Разумеется, охарактеризованные подходы представляют своего рода идеальнотипические конструкции. В работах конкретных авторов мы без особого труда обнаружим сложное, иногда фантазмагорическое переплетение соответствующих установок. Вместе с тем есть и специальные области социологической теории, в рамках которых осуществляется рациональный сплав организмического (структурно-системного) подхода и интеракционистского взгляда на общество. Это теории социального действия, предложенные М. Вебером, Ф. Знаниецким, Т. Парсонсом.

Возвращаясь к статье А.Ф. Филиппова заметим, что он завершает ее следующим выводом: «Направления возможных исследований не могут быть... предудказаны, дедуцированы из общих положений. Полноценная теория сама является наилучшим доказательством того, что предмет и понятия были выбраны правильно» (3, с.36). И все же амбициозность в теоретических построениях в любом случае должна опираться на минимальные теоретические предпосылки. Прежде всего, тематизация теоретизирования неизбежно должна связывать традиции социологического мышления, накопленный универалистский багаж теоретического знания с актуальными проблемами, выдвигаемыми практикой. Этот угол зрения позволяет вычленивать такие сюжеты теоретизирования применительно к России, как модернизационный кризис, включающий структурные трансформации (18); соотношение рационального и иррационального в российских преобразованиях (19); проблематика взаимоотношения потребностей, интересов и ценностей (20); взаимодействие полей социального пространства (21); развертывание социальных конфликтов (14) и изменение форм солидарности, в том числе и способов самоидентификации (22); мобилизационная роль социальной символики (23); соотношение революции и реформы (24) и т.д. По всем этим сюжетам имеется классическая социологическая литература и кое-что сделано и в нынешней российской социологии.

При этом задача соединения сюжетов социологического теоретизирования с анализом специфических проблем российской действительности осуществляется на фоне общекультурной дискуссии на тему — *что есть Россия?*. Иными словами, дискуссия о России представляет собою фон социологического теоретизирования, который «выдвигает вопросы», предлагает определенные ответы и оказывается благодаря этому важной составляющей теоретического дискурса. Обозначим некоторые фоновые темы, которые иногда вербализируются, но в ряде случаев остаются за пределами вербальной коммуникации. Этот фон — Россия как мир. Россия как общество (расколотое общество) (25), Россия как империя (26), Россия как кри-

зисный социум (27), Россия как объект и субъект трансформаций, как модернизирующееся общество (результат рецидивирующей модернизации) (28).

Один из центральных вопросов прояснения этого фона — отношение России и СССР, модифицированный в отношении между «советским человеком» и «нормальным человеком». Различные решения этой проблемы дают, с одной стороны, Ю.А. Левада и его группа, с другой стороны, — каждый по-своему — Л.Г. Ионин, Н.Н. Козлова, В.В. Волков. Остановимся более подробно на этой проблеме в том ее виде, как она ставится в российской социологической литературе.

Итак, в качестве предмета рассмотрения в рамках общего теоретического фона выступает прежде всего «Россия» как некоторый предмет рассуждения и познания. Что есть Россия? В каком отношении она находится к Западу и вообще ко всему мировому пространству? Куда идет Россия? (29) В социологический план эти вопросы переводятся с помощью «небольшой» коррекции — *что есть человек в России!* Каковы смыслообразующие его действия? В чем специфика мотивации его поведения в современных условиях? Эти вопросы являются предметом постоянно возобновляемой дискуссии, что само по себе свидетельствует о неоднозначности интерпретаций данного предмета. Дискутирующие стороны вкладывают в понятия России и человека в России различный смысл и, естественно, по-разному характеризуют внутренние и внешние преобразования российской действительности, равно как и перспективы ее дальнейшего развития. В ряде публикаций так или иначе подчеркивается, что Россия — это «особый мир», который развивается по своим собственным законам, не сводящимся к законам общемирового развития. Наиболее четко это выражено в названии одного из журналов «Мир России» (выходящего под редакцией О.И. Шкаратана). В одном из последних номеров этот «мир России» не без оснований увязывается с политико-экономической проблематикой взаимоотношения Центра и регионов.

Весьма близка к этой идее особенности исторических процессов в России и детально разработанная концепция А.С. Ахиезера (25). Автор этой монографии представил научному сообществу оригинальный взгляд на Россию как «расколотое общество». С точки зрения А.С. Ахиезера, именно «раскол», а не конфликты является наиболее существенной чертой российской истории. Эта история характеризуется не постепенным накоплением некоторых позитивных элементов в ее собственной политике и экономике, а переходами от одной крайности к другой. Безусловно, это одна из фундаментальных характеристик российской истории, которую автор иллюстрирует со времен Киевской Руси, татаро-монгольского нашествия, вплоть до наших дней. Можно предположить, что стремление к крайностям и расколотому сознанию — одна из постоянных черт российского национального характера. Однако автор не склонен к такому выводу. Он скорее связывает свою теорию с идеологией и практикой манихейства, которое воплощает начало «зла» в противоположность «добру». Таким образом, получается, что исходным основанием российского раскола выступают не политические или экономические интересы, а стремления к добру и злу, воплощающиеся в конкретных персонажах российской истории.

Однако наиболее ценная идея А.С. Ахиезера состоит, на наш взгляд, в его попытке охарактеризовать цикличность движения российской истории через ряд этапов, которые по крайней мере дважды воспроизводят самих себя. Первый циклический оборот — через инверсионные скачки от одной крайности к другой — совершается в пределах дооктябрьской истории. Послеоктябрьская история вновь воспроизводит те же фазы развития — от традиционализма и соборности к новой

форме общественных отношений, основанных на умеренном утилитаризме. Традиционное российское общество рассматривается автором как авторитарное и деспотическое, в ходе же современных реформ и преобразований утверждается «умеренный либерализм».

Примечательную попытку осмысления российских преобразований предпринимает А.Ф. Филиппов в своей статье «Наблюдатель империи» (26). В отличие от предыдущих авторов А.Ф. Филиппов предпочитает более универсалистскую точку зрения. Россия у него выступает не в качестве самодостаточной ценности, мира, независимого от существования иных миров, а на фоне тех процессов, которые совершаются в мировой истории в целом. Он подчеркивает, что именно поворот российской политики — в лице советской политической элиты — в сторону общемировых процессов стал важным фактором российских преобразований. Благодаря введению в политический лексикон идеи мирового сообщества (концепция нового политического мышления Горбачева, а до этого — политическая практика обеспечения военно-стратегического баланса двух систем) произошло расширение смыслового горизонта в мышлении политической элиты. Россия (СССР) перестала выступать в качестве единственного и тем более самого передового государства-общества. Она стала лишь одним из членов мирового общества. Введение этого нового смыслового горизонта означало для самой элиты утрату собственной прежней идентичности. В силу этого и произошел крах СССР как некоего имперского образования под напором сложившихся ранее периферийных элит.

Бесспорная заслуга А.Ф. Филиппова состоит в том, что он ввел в научный оборот одним из первых концепцию политической элиты в общероссийском масштабе и охарактеризовал основные *модусы систематизации* как центральной, так и периферийной элиты (можно было бы сказать «узловые точки конstellляции интересов»). Основной вывод этого анализа состоит в том, что государственность российская может быть устойчива лишь при условии гармонизации отношений между центральной и периферийной элитами (26, с. 106).

Разумеется, вопрос об империи применительно к СССР остается весьма спорным. Ю.А. Левада заметил в одной из своих публикаций, что если это и была империя, то весьма своеобразного свойства: периферийные структуры здесь обладали значительными преимуществами в сравнении с центром. Идея социального выравнивания, положенная в основу национальной политики советского общества, имела своим эффектом более высокие темпы развития «окраин» государства по сравнению с темпами развития самого центра. В конце концов эта политическая линия и породила достаточно мощный слой региональных элит, выступивший с претензиями на самостоятельность и суверенитет в ходе горбачевской перестройки.

На наш взгляд, наиболее существенный вклад в разработку вопросов социологической теории представляют собой публикации Ю.А. Левады (30). Сейчас можно сказать, что его публикации в «Мониторинге» задают стандарт теоретического мышления российским социологам и, возможно, социологам всего постсоветского пространства (по крайней мере, в рамках сайентистской артикуляции социологического знания). Анализ этих публикаций позволяет сделать вывод о том, что в данном случае теоретическая деятельность не остается совершенно свободной от политических пристрастий. Первая постперестроечная книга, вышедшая под руководством Ю.А. Левады (31), была слишком явно нацелена «против». Против «советского человека», «социалистического образа жизни» и господствовавшего ранее мировоззрения. Эта позиция не может быть охарактеризована

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

Теории социальной реальности в российской социологии

иначе, как попытка взять реванш за прошлое, расквитаться с утопизмом и догматизмом «тоталитарной системы».

Однако опыт изучения общественного мнения, анализ ошибок в прогнозировании динамики массового политического поведения (ошибка прогноза исхода выборов в первую Государственную Думу 1993 года) привел к серьезной коррекции исходных постулатов. Характеризуя итоги многолетней работы по проекту «Человек», Ю.А. Левада так оценил изменение собственной позиции: «Тогда многим казалось, что крушение официальных институтов принуждения и идеологической обработки, присущих советской системе, высвободят человека нового по отечественным масштабам или нормального по мировым, — способного действовать в рамках демократии. Действительность оказалась более сложной, ломка старой общественной системы — длительной и более противоречивой.

В этих условиях приобрели самостоятельное значение проблемы положения человека в системе социальных институтов, возможностей квазиполитической мобилизации, различных уровней адаптации к изменившимся условиям официальности и повседневности, утверждения сферы приватности, формирования новых групповых рамок деятельности, механизмов идентификации, комплексов и фобий... Достигнутая в результате перемен... открытость по отношению к внешнему миру оказалась противоречивой и болезненной — причем в человеческой сфере не менее, чем в экономической и социальной» (32, с. 14).

Результат критического осмысления новых реалий позволил перейти от генерализирующей абстракции 70-летней тоталитарной истории к попытке предложить несколько ключевых периодов советской эпохи, в рамках которых по своему складывалось ключевое взаимодействие массового сознания и сознания элитных группировок. Ю.А. Левада выделяет в динамическом развитии «человека советского» раннесоветский период, позднесоветский период, период перестройки и возникновение новой ситуации (19).

Дальнейшая конкретизация в понимании сложившейся ситуации связана, на наш взгляд, с более основательным поворотом в том направлении, которое обозначено в наиболее серьезных публикациях Ю.А. Левады. Необходимо без предвзятости оценить динамику советского периода. Социолог просто не имеет права игнорировать *специфику каждого из политических переворотов, означавших для миллионов людей личную и социальную драму, а подчас и трагедию*. В ходе этих переворотов политика превращалась в «социальность», в новую социальную среду, в преобразование не только социальной структуры, каналов социальной мобильности и социализации, но и экзистенциальных смыслов человеческого существования (эта совокупность процессов схвачена в творчестве А. Платонова). К сожалению, «официальная пропаганда» нынешних средств массовой информации постоянно навязывает мысль о тождественности трагедии и фарса. Столь поверхностный взгляд на собственную историю не может не формировать и поверхностного взгляда на самих себя — на людей, якобы лишенных не только исторических корней в предшествующих поколениях, но и необходимых универсальных свойств личности, включая человеческое достоинство.

Под этим углом зрения весьма полезно обратить внимание на публикации трех авторов Л.Г. Ионина, Н.Н. Козловой и В.В. Волкова. Основная работа Л.Г. Ионина названа, как бы вопреки всем канонам антикоммунистической пропаганды, «Свобода в СССР» (33). Автор предлагает учесть не только чисто политический и общеисторический смысл проблемы свободы, но и выяснить ее антропологическое

содержание. Такой поворот дела позволяет более внимательно отнестись к повседневностям советской эпохи и советского бытия. Автор утверждает, что помимо и наряду с политическим контролем, преследовавшим социальные задачи, существовали области личной автономии и свободы, где человек имел возможность по своему решать свои жизненные вопросы. Эта сфера свободы, по мнению автора, была не столь уж незначительной, как это принято представлять с позиций тоталитаристской теории советского общества.

Публикации Н.Н. Козловой демонстрируют новый тип социологической литературы (34). Главное свойство исследователя — обращение к повседневности, в рамках которой стерто противопоставление бытия и сознания. Материал для описания и анализа повседневности черпается из самых разнообразных источников, которые можно обозначить общим термином «нарратива». Это рассказ «массового человека» о самом себе, о своей жизни, о страхах и переживаниях, достижениях и неудачах. Через нарратив восстанавливается ткань социальных отношений, здесь открывается возможность проследить за изменением социальных ролей, за формированием карьерных притязаний и способами их реализации.

Этот новый тип исследования социальной реальности, который осуществляется сквозь призму личного опыта и поэтому он нуждается в более подробном освещении. «Опыт исследовательского погружения в наш материал, — пишет Н.Н. Козлова, — заставляет переосмыслить представление о социальном порядке, об основах социальности как таковой, о том, как живут в истории люди, о том, чем держатся общества» (34, с.86). Главная тема автора — исследование модернизации сознания (личности), происходящей в советском обществе. Это исследование сознания и бытия крестьянина, преобразующегося в горожанина. Оно показывает на массовом материале, что между властью и обществом (народом) нет той непроходимой стены, которая изображается теоретиками (точнее сказать, идеологами) тоталитарной системы. Ведь происходящее в постреволюционной России подчас (под влиянием идеологемы тоталитаризма) интерпретируют как чистый продукт властного этактистского воздействия. «Вопрос состоит, однако, в том, чтобы понять, отчего устанавливается молчаливое согласие между бесчеловечными условиями и людьми, готовыми их принять. Ведь чтобы социальное изменение произошло, недостаточно только одного властного давления. Надо, чтобы хотя бы 10% населения пожелало изменения жизненных обстоятельств. Надо, чтобы возникло напряженное поле желания» (34, с. 101).

Советское общество, утверждает автор, создавалось поколением людей, родившихся между 1905 г. и 1925 г. Для них СССР был родиной и родным домом — отчасти в силу случайности рождения, отчасти нет. Советское общество создавалось их жизнью. Родились советские люди, как правило, в крестьянских семьях.

Это обстоятельство заставляет автора дать социально-антропологическую характеристику крестьянства. Мы не имеем возможности воспроизводить ее целиком. Отметим лишь некоторые моменты. Жизнь крестьянина базируется на личных связях. Люди здесь общаются с людьми, а не с абстрактными системами, представленными деньгами, наукой, правом, системами легитимации и т.д. (34, с. 119). Но вместе с тем крестьянская жизнь в России — далеко не идиллия. «Рядом с этими людьми всегда была смерть. Во всяком случае она никогда далеко не уходила... Смерть ребенка была повседневным явлением, голод, болезни, эпидемии, война и революция несли смерть в многообразных ее проявлениях» (34, с.121,126). Эти люди жили в эпоху, когда человеческая жизнь была дешева. Аль-

тернатива жизни или смерти была элементом повседневности для громадной массы населения страны. Страх голодной смерти (нечто весьма сильно отличающееся от стремления к свободе и справедливости) был реальным мотивом поведения для многих. А избавление от этого страха — решающий шаг социализации, обретение нового социального качества.

Русские крестьяне хотели жить, а значит страстно желали превратиться во что-то иное. Советская власть обеспечила два пути «превращения в другое». Один, навязываемый сверху с помощью насилия и угрозы насилия и голода. Другой путь был связан с самодисциплиной, и самоконтролем, с усвоением воздействия «легитимизирующих метанарративов», которые определяли новую самоидентификацию через такие возможности как участие в комсомоле, служба в армии, учеба, переезд в город, приобретение профессии. Эти люди со священным трепетом воспринимали «Капитал» Маркса и подчас поднимались до уровня «Краткого курса истории ВКП(б)». Им не было нужды играть в оппозицию по отношению к власти. Раздвоение сознания, критическое восприятие политики были исключительной редкостью.

Автор показывает на материалах нарратива, как формировался советский средний класс, который выделялся не по отношению к средствам производства, а «по характеристикам ментальности, культурно-ценностным и потребительским ориентациям» (34, с.185). «Советский средний класс возникал как продукт потребности общества в дифференциации, в производительном труде, в профессионализме. Он дал обществу технократа и бюрократа, партийного чиновника. Советский чиновник, которому подчинялась община, не прилетел с Марса. Во многих случаях он был крестьянин. Его породило само же крестьянство, он и жертва и палач. Он может по своему происхождению быть сыном раскулаченного, не обязательно он из бедняков и босяков» (34, с. 185). Два переломных момента характерны для массовой биографии среднего класса советского общества — овладение письмом и, затем, возникновение индивидуации, зафиксированной в биографии. Появление этих качеств — условие разрыва с архаикой деревенского общества и возникновения «модерна». Такой поворот дела позволяет включить биографию «советского человека» в реально существующий универсальный контекст.

Дополним анализ повседневности советской цивилизации теоретическими рассуждениями, предложенными В.В. Волковым (35). Публикация, о которой идет речь, перемещает нас в постсоветское пространство. В основе его конструкции — идея фундаментальности практик (реальных, укоренившихся, привычных форм и навыков поведения) в сравнении с идеологическими декларациями разного рода. «Пределы и возможности общественных изменений лежат не в изобретении нового мышления или новых ценностей, — утверждает этот автор, — а в постепенной реконфигурации всегда уже существующих практик или в их заимствовании, которое никогда не бывает чистым» (35, с.324). Рационализация действительности с этой точки зрения состоит не в выстраивании логических доказательств правомерности и иных обоснований соответствующих действий, а в приспособлении друг к другу детально расчлененных процедур действия. К сожалению, такой подход в интерпретации российской социальной и политической реальности не получил распространения в социологической литературе. «Значительная часть исследований процесса трансформации России явно или не явно пользуется концепцией «тоталитарного» общества, заимствованной из западной советологии времен «холодной войны». Эта модель подразумевает, что основными интегрирующими механизмами советского об-

шества явились насилие (террор) и тотальная идеологическая индоктринация»... Однако «политологические представления о тотальном господстве государства и монолитном единстве советской системы не выдерживали конкуренции с выводами историко-социологических исследований. Согласно этим исследованиям, становление и развитие советской системы представляло собою многомерный процесс, сопровождавшийся уступками, конфликтами, согласованием интересов, сильным влиянием повседневных форм жизни на формирование и функционирование государства» (35, с.327). Согласно «диффузной» модели «советская система стала результатом многопланового взаимного приспособления государственной власти и общества» (35, с.326-327).

Корректное воспроизведение прошлого страны представляет собою неперемное условие воспроизведения современной социальной реальности и понимания ее нынешней фазы российского кризиса. Отход от модели тоталитарного общества, осуществленный в рассмотренных выше социологических публикациях, представляет собою предпосылку более расчлененного видения современных реформ. Ныне наиболее распространенная точка зрения представляет собою в значительной мере результат стремления к замене одной генерализирующей модели на другую, отличающуюся от первой не столько содержанием, сколько знаком.

Выход за пределы локального рассмотрения «советского человека» открывает перспективы выявления универсалистских качеств человека в условиях российского кризиса, без теоретического осмысления которых само состояние кризиса вряд ли может быть преодолено.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ (в дальнейшем — Мониторинг). Выходит 6 раз в год.
2. Социология сексуальности / Науч. ред. Голод СИ. СПб., 1997.
3. Филиппов А.Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. N1-2.
4. Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после. Аналитические доклады РНИСиНП / Под общей ред. Горшкова М.К., Чепуренко А.Ю., Шереги Ф.Э. М., 1998.
5. Россия — 1995. Социально-демографическая ситуация. Ежегодные доклады / Отв. ред. Римашевская Н.М. и др. М., 1995.
6. С 1994 г. осуществляется издание Бюллетеня Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов под ред. Тишкова В.А. и Филипповой Е.И.
7. К числу таких исключений можно отнести книгу: D. Lane The Rise and Fall of State Socialism. Industrial Society and the Socialist State. Cambridge, 1996.
8. Реформирование России: мифы и реальность / Руководитель Осипов Г.В. М., 1994.
9. Монсон П. Современная западная социология. Теории, традиции, перспективы. Спб., 1992.
10. Напомним, что «Человек и его работа» была переведена в трех странах (США, Польша и ГДР) независимо друг от друга. Вряд ли стоит «исключать из коммуникации» и такие работы, как проект Грушина Б.А. «Массовая информация в советском промышленном городе». М., 1980.
11. А.Ф. Филиппов ссылается на работы Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // Geertz C. The Interpretation of Cultures. L., 1993; Geertz C. Lokal Knowledge. L., 1993.
12. В.А. Ядов, например, с полным основанием подчеркивает значение работ П. Штомпки, и в частности, его работы «Социология социальных изменений» М., 1996.

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ
Теории социальной реальности в российской социологии

13. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. N 2.
14. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996.
15. «... различные ступени и интересы никогда не преодолеваются полностью, а лишь подчиняются побеждающему интересу, продолжая на протяжении веков влечь свое существование рядом с нами. Отсюда следует, что даже в рамках одной и той же нации индивиды, даже если отвлечься от имущественных отношений, проделывают совершенно различное развитие и что более ранний интерес... еще долго продолжает обладать властью...» К. Маркс. Немецкая идеология. Избранные произведения в трех томах. М. 1979. Т.1. С. 65. См. также: Шляпентох В.Э. Многослойное общество: антисистемный взгляд на современную Россию // Социологический журнал. 1997. N4.
16. См., напр., Штомпка П. Три великих видения истории // Социология социальных изменений. М., 1996.
17. Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la theorie de faction. P., 1994. (Цит. по: Качнов Ю.Л., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа? (к проблеме реальности в социологии) // Социс. 1996. N12.
18. Заславская Т.И. Постсоциалистический трансформационный процесс и его особенности в России. Доклад, представленный на семинаре Профессиональной социологической ассоциации 13.04.1998.
19. Вопросы социологии. Тематический выпуск «Рациональность и власть». Вып. IV. 1996.
20. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
21. Качанов Ю. Политическая топология. Структурирование политической действительности. М., 1995.
22. Ядов В. А. Социальная идентификация личности в условиях быстрых социальных перемен // Социальная идентификация личности. М., 1994.
23. См., например, Согоматов А. Социология культуры: теоретический аспект // Социология в России.
24. Штомпка П. Революция — пик социальных изменений // Социология социальных изменений. М. 1996.
25. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997.
26. Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи. Империя как понятие социологии и политическая проблема // Вопросы социологии. 1992. Т. 1.
27. Лапин Н.И. Что с нами происходит? Патологический социокультурный кризис // Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994.
28. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. N2.
29. Куда идет Россия? — 6 выпусков ежегодной научной конференции, организуемой Интерцентром/ Отв. ред. Т.И. Заславская.
30. Левада Ю.А. Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы // Мониторинг. 1994. N1; Левада Ю.А. Комплексы общественного мнения // Мониторинг. 1996. N 6; 1997. N1; Левада Ю.А. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Мониторинг. 1997. N 2.
31. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / Под ред. Левады Ю.А. М., 1993.
32. Левада Ю.А. Наши десять лет... // Мониторинг. 1997. N6.
33. Ионин Л.Г. Свобода в СССР. СПб., 1997.
34. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996; Козлова. Н.Н., Сандомирская Н.Н. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.
35. Волков В.В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. Международный симпозиум 17-19 января 1997 г. / Под общ. ред. Заславской Т. И. М., 1995.